

Т.В. Соловьева

«Два чувства дивно близки нам...»

Недоработанное стихотворение из трех строф, вторая зачеркнута.

При формальной незаконченности стихотворение отличается чеканная завершенность смысла, выраженного в отточенных, весомых формулах: «любовь к родному пепелищу», «любовь к отеческим гробам» «самостоянье человека», «животворящая святыня» «алтарь без божества». В них нашли итоговое поэтическое воплощение мысли, вызревавшие у Пушкина с середины 1820-х, — о значении наследственной памяти, о личном историческом сознании, с связи с национальным прошлым, проходящей через Дом и Род.

Ближайший поэтический контекст стихотворения составляет перевод из Р. Саути «Еще одной высокой, важной песни...» (1829) (тема домашнего очага) и «Моя родословная» (1830) (тема родовой памяти, в которой семейная история сливается с большой историей отечества).

«Уважение к мертвым прадедам» имело для Пушкина аспект социальный: в письмах, заметках, прозе он акцентировал особую ответственность дворянства как сословия, призванного хранить и передавать национально-историческую память («Роман в письмах», 1829, «Гости съезжались на дачу...», 1828–1830, «Опровержение на критики», 1830). Но в стихотворении о «двух чувствах» эта тема звучит надсоциально, обобщенно, с философским углублением — здесь дана пушкинская «философия почвенности» (С.Л. Франк). «Любовь к родному пепелищу» и «любовь к отеческим гробам» получают статус вечных общечеловеческих ценностей, они заповеданы свыше («Два чувства Богом нам даны...» — первый вариант первого стиха) и в то же время интимны, «дивно близки», питают сердце. Если в статьях и прозе Пушкин говорит об «уважении к мертвым прадедам», «уважении к минувшему», о праве «гордиться славою своих предков», то в стихах на место «уважения» и «гордости» приходит «любовь» (этому слову отведена сильная позиция анафоры в 3-м и 4-м стихах) — так разговор о родовой памяти переводится из плана исторического и социального в сферу душевной жизни человека.

Наряду со всеобщим в этом стихотворении есть и лично-биографический момент: в связи с переменами в самоощущении, в виду близкой женитьбы тема Дома приобрела к 1830 году особое звучание для Пушкина, заменив собой хронотоп дороги, характерный для его лирики предшествующих лет.

Во второй, отброшенной позже строфе оформлена своего рода поэтическая антропология Пушкина:

На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.

Слово «самостоянье», созданное Пушкиным, означает ту вертикаль жизни человека, через которую реализуется его истинное назначение («величие его»), и восставлена эта вертикаль на «двух чувствах», на заповеданной любви. Таким образом, личная состоятельность ставится у Пушкина в зависимость от укорененности в почве родовой и национальной истории; «любовь к родному пепелищу» и «любовь к отеческим гробам» оказываются фундаментом бытия личности.

В третьей строфе Пушкин переходит от антропологии к самой общей онтологии: масштаб жизни отдельного человека заменяется масштабом всей земли: «Земля была б без них мертва...» Сама жизнь, бытие вообще определяются верностью родному дому и памяти предков — любовь к ним обеспечивает связь времен и продолжение жизни.

Мысль о священности «двух чувств» — главная внутренняя тема стихотворения; пройдя через несколько отброшенных вариантов («священные два чувства нам», «они священны человеку», «они священны в нас от века»), она обретает вид центральной формулы — «животворящая святыня», — в которой слово «святыня» усилено и обогащено сакральными коннотациями прилагательного «животворящий». Священны не сами по себе «пепелище» и «гробы», а способность человека любить их, его личная память, имеющая благодатную, животворящую силу.

Третья строфа характеризуется исключительной густотой сакральных понятий и образов: «животворящая святыня», «как ... пустыня», «алтарь без божества». В недоработанном стихе так или иначе заложено значение «источника в пустыне», независимо от того, какое конкретное слово могло бы быть здесь у Пушкина. «Источник в пустыне» — библейский образ, традиционно символизирующий духовный источник самой жизни; к тому же семантическому полю примыкает последний стих — «И как алтарь без божества».